

Е. Ю. Омельницкая

Трансформация библейских мотивов в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина

Статья посвящена проблеме трансформации библейских мотивов в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина 1880-х гг. Автор пытается доказать, что христианские мотивы в романах писателя подвергаются десакрализации, демифологизации и наполняются реалиями повседневной жизни.

Ключевые слова: мотив, М. Е. Салтыков-Щедрин, десакрализация, демифологизация, «райский» сад, оборотничество, драконоборство.

E. Ju. Omelnitskaya

Transformation of the Biblical Motifs in M. E. Saltykov-Shchedrin's Novels

The article is devoted to the transformation of the biblical motifs in the works by Saltykov-Shchedrin in 1880-s. The author is trying to prove that Christian motifs in the novels of the writer are subjected to desacralization, demythologizing and filled with the realities of everyday life.

Keywords: a motif, M. E. Saltykov-Shchedrin, desacralization, demythologization, the "Paradise" garden, werewolfness, the fight of the God and dragon.

Мотив – одна из важнейших литературоведческих категорий, анализ которой позволяет выявить наиболее значимые структурные и смысловые элементы художественного мира писателя. В статье предпринята попытка определить принципы трансформации библейских мотивов в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанных в 1880-е гг., – «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина». При анализе указанных произведений мы будем исходить из тезиса о дуальности повествовательного мотива: в структуре значения мотива наличествует обобщенный инвариант мотива, взятый в отвлечении от его конкретных фабульных выражений, и совокупность вариантов мотива, выраженных в конкретных фабулах. Вслед за Н. А. Криничной [5] мы утверждаем, что трансформация мотивов от архаических форм к поздним происходит в направлении его демифологизации и наполнения различного рода реалиями.

Для творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина характерен интерес к христианским мотивам и образам на всем протяжении его писательского пути. В поле нашего зрения попали три принципиально важных для понимания специфики художественного мира М. Е. Салтыкова-Щедрина библейских мотива – мотив райского сада, мотив оборотничества, мотив драконоборства.

Мотив райского сада в романном творчестве писателя 1880-х гг. неотделим от мотива дома. Исследователь Ю. В. Доманский обращал внимание на оппозицию «дом / вне дома»: «архетипическое значение оппозиции «дом / вне дома» можно представить следующим образом: дом являет собой некий космос... а пространство вне дома представляется как хаос» [4]. В романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыков-Щедрин показывает утрату пространством семейной усадьбы своей традиционной защитной функции, то есть разрушение архетипической оппозиции «дом / вне дома»: губительным для персонажей оказывается как «чужое» пространство внешнего мира (герои романа, покинувшие пределы семейной усадьбы, – Аннушка, Любинька, Володенька – скоро погибают), так и «свое» пространство «семейного гнезда», длительное пребывание в пределах которого влечет за собой деградацию героев и ухудшение их внутрисемейных отношений (спивается и умирает Павел Владимирович Головлев, «глава семьи» Арина Петровна Головлева превращается в «развалину», погибает по пути к могиле «милого друга маменьки» Иудушка Головлев).

В романе «Пошехонская старина» архетипическая оппозиция «дом / вне дома» получает иное, чем в романе «Господа Головлевы» наполнение, что связано с наличием в романе мотива

райского сада. Райский сад (Едем) был построен Богом для первых людей Адама и Евы. В христианстве райский сад представлялся местом высшего блаженства, миром высших духовных и нравственных ценностей. После грехопадения Бог изгнал Адама и Еву из райского сада, лишив их и их потомков свободной и беззаботной жизни. Человеческий род всегда хранил в своей душе стремление к возврату этого первобытного блаженства [7].

Обширный фруктовый сад является достопримечательностью усадьбы Малиновец. Для детей хозяйки этой усадьбы, Анны Павловны Затрапезной, Малиновец представляется пространством несвободы, из которого они пытаются вырваться любым способом. Показательной в данном отношении является реплика дочери Анны Павловны Затрапезной, Нади, которую мать насильно заставила вернуться в родовое имение: «Опять этот Малиновец... ах, противный!» [2]. Также можно отметить постоянное стремление детей попасть из дома в сад: для отпрысков семейства Затрапезных, высшим счастьем которых была сытная и вкусная еда, поход с маменькой в оранжерею, где можно было попробовать фрукты «прямо с дерева» [2], казался путешествием в рай. Малиновецкая оранжерея прямо называется в тексте «землей обетованной»: любимчик Гриша, взятый маменькой в оранжерею, «подскакивая на одной ножке, спешит за маменькой... в обетованную землю» [2].

Сад, в отличие от дома, представляется в «Пошехонской старине» местом абсолютной свободы, раем, дарующим находящемуся в нем герою счастье и спокойствие. Так, Никанор Затрапезный, приехавший в усадьбу своей тетушки Анфисы Порфирьевны, радостно реагирует на реплику тети «А ты, малец, погуляй, ягодок в огороде пощипли...» [2] и спешит воспользоваться «данным ему отпуском» [2].

Сад, четко отделенный в романе от «вымороченного» семейного пространства Затрапезных, составляет органичное целое с открытым, свободным и упорядоченным семейным пространством Ахлопиных: после смерти мужа Раиса Порфирьевна Ахлопина «выстроила просторный дом, развела огород и фруктовый сад... и зажила, как в деревне» [2]. В романе неоднократно отмечается, как Никанор и его племянница Сашенька «бегали по саду, ловили друг друга» [2], а торжественный обед в честь именин тетушки Раисы Порфирьевны состоялся не внутри дома, а в саду. Таким образом, в семейном пространстве Ах-

лопиных происходит гармоничное слияние пространств «дома» и «сада».

Итак, в романе «Пошехонская старина» оппозиция «дом / вне дома» подвергается существенной трансформации. Дом превращается в «антидом», а альтернативой ему становится упорядоченное пространство сада. Происходит трансформация оппозиции «дом / вне дома» в оппозицию «сад / дом», причем отрицательным членом оппозиции становится дом.

Одним из ключевых библейских мотивов в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина 1880-х гг. является мотив борьбы бога (или существа, действующего по воле бога) с хтоническим чудовищем-змеем, который Е. М. Мелетинский [6] определил как «драконоборство». В Библии присутствует несколько вариантов этого мотива: борьба архангела Михаила с драконом (Откр 12:7–9), борьба Бога с морским змеем левиафаном (Ис 27:1) и поединок Давида и Голиафа (1 Цар 17:48–51). Символическое значение мотива драконоборства – борьба абсолютного добра с иррациональным злом за право обладания миром с неременной победой добра. В романах М. Е. Салтыкова-Щедрина мы можем видеть несколько вариантов указанного мотива:

1. «Борьба» Арины Петровны Головлевой с Иудушкой за право обладания семейными богатствами: «змея» Иудушка Головлев («Порфирий Владимирович... словно змей, проскользнул к постели матери» [3]) лишает «демиурга» Арину Петровну возможности распоряжения семейными богатствами и заточает ее в деревню Погорелку.

2. «Борьба» Николая Абрамовича Савельцева с его женой Анфисой Порфирьевной: «змея» Анфиса Савельцева («... в семье... ее называли не иначе как “Фиска-змея” [2]), пользуясь предоставленной ей возможностью выдать своего мужа-тирана, до этого бывшего фактически «богом» в своем имении, за простого столяра, заточила его в усадьбе Овсегово.

3. «Борьба» Анны Павловны Затрапезной с дочерью Надей и ее женихом Еспером Клещевинным: Анна Павловна Затрапезная, создательница собственного семейного мира (а функция создания мира является божественной), пытается запретить своей дочери Наде, имеющей во внешности и характере змееподобные черты, выйти замуж за ненавистного ее материнскому сердцу «подлого змея» Еспера Клещевина.

Борьба между «Богом» и «Змеем» предстает в романах в демифологизированном варианте: она

ведется не столько между Добром и Злом, сколько между Большим Злом и Меньшим Злом, так как ни один романский персонаж не может быть назван Абсолютным Добром, ибо осуществляет противостояние не ради сохранения или спасения мира, а ради реализации корыстных целей: Иудушка Головлев заточает свою мать в Погорелке, чтобы иметь право единоличного распоряжения семейными богатствами, Анфиса Савельцева доводит своего мужа до смерти, так как желает управлять усадьбой Овсцово, а Анна Павловна Затрапезная, мечтающая выйти замуж за Еспера Клещевина, волнуется не столько за судьбу дочери, сколько за сохранность имущества: мысль о том, что «взбеленившаяся Надёха» сбежит с Еспером Клещевинным, прихватив с собой семейные драгоценности, не дает рачительной хозяйке покоя.

Существенную роль в романном творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина 1880-х гг. играет мотив оборотничества (под «оборотничеством» мы будем понимать любое превращение героя, то есть заявленную в романе смену его облика, статуса, имени). Мотив оборотничества в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина может проявляться в сопоставлении героев романов с существами, имевшими сакральный смысл в христианской традиции – змеем (змеей), пауком, петухом.

В Библии дьявол-змея склонил Адама и Еву к грехопадению. Змей служит для священных писателей эмблемой хитрости, злобы, свирепости и коварства: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт 3:1). Образ змея имеет связь с несколькими библейскими персонажами, в частности, с апостолом Павлом, изначально носившим еврейское имя Савл и принадлежащим к секте фарисеев. Иисус Христос в своей обличительной речи назвал книжников и фарисеев змеями: «Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?» (Мф 12:34). Савл был ревностным гонителем христиан: «А Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян 8:3). На пути в Дамаск Савла поразила чудесная свет с неба, столь яркий и сильный, что он лишился зрения. В то же самое время Господь Иисус Христос открылся ему как то самое лицо, которое он гонит [7]. С этого времени Савл сделался новым человеком и получил из уст Господа высокое назначение в звание апостола язычников. Вскоре после этого следует чудесное возвращение ему зрения и его крещение: «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он про-

зрел; и, встав, крестился» (Деян 9:18). Лишение Савла змеиного обличья, сбрасывание с него змеиной чешуи становится в Библии символом раскаяния и духовного перерождения героя.

Паук в тексте Священного Писания имеет негативную символику и выступает как олицетворение алчности, воплощение кровопийцы, пожирающегося на нищих и сосущего у них кровь. Паук раскидывает свою паутинную сеть, тонкость и непрочность которой служит наглядным выражением тщетности надежд и предприятий нечестивых людей [7]: «...уверенность его – дом паука. Обопрется о дом свой и не устоит; ухватится за него и не удержится» (Иов 8:14).

Петух в Библии упоминается в эпизоде отречения апостола Петра: «...он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное Иисусом: “прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня”. И, выйдя вон, плакал горько» (Матф 26:74–75). С пением петуха в Библии также связываются эсхатологические мотивы о втором пришествии Сына Человеческого: «В тот день... запираются будут двери на улицу... и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дочери пения...» (Еккл 12:3–4).

В романе «Господа Головлевы» со змеем неоднократно сравнивается Порфирий Владимирович Головлев. Так, в произведении находит свое отражение описанное в Ветхом Завете воплощение дьявола в образе змея. Сравнение Иудушки Головлева и сатаны прослеживается в разговорах крестьян: «Нужды нет, что мировой тебя оправит, он тебя своим судом, сатанинским, изведет» [3]. В облике сатаны Иудушка видится и Улите: «Улиутшке думалось, что она спит, и... сам сатана предстал перед нею и разглагольствует» [3]. Сравнение Иудушки Головлева с сатаной призвано акцентировать аморальную сущность героя и служит символом его постепенного нравственного разложения. Однако в конце романа происходит духовное перерождение героя, запоздалое пробуждение его совести: Иудушка пытается искупить собственные грехи, отправляясь ночью на могилу «милого друга маменьки».

Порфирий Головлев в романе уподобляется еще и пауку: Иудушка «любил мысленно вымучить, разорить, обездолить, пососать кровь» [3]. Ради обогащения паук-Иудушка плетет хитроумную паутину лжи, лицемерия, пустословия, в которую один за другим попадают все члены его семьи. Но к концу романа герой начинает понимать тщетность всех своих намерений и поступ-

ков: «К чему же привела вся его жизнь? Зачем он лгал, пустословил, притеснял, скопидомствовал? ...кто воспользуется результатами этой жизни? кто?» [3]. Избавление от мук неожиданно проснувшейся совести герою приносит лишь смерть.

Иудушка Головлев сравнивается также с петухом: рождение Иудушки сопровождается пророчеством старца Порфиши: «Петушок, петушок, востер ноготок!» [3]. Петух в Библии служил символом предательства и последующего раскаяния. Иудушка Головлев, отрекшийся от своей семьи ради права на единоличное владение головлевским имуществом, к концу романа испытывает духовное перерождение и раскаивается во всех содеянных им грехах. И единственный способ, которым Порфирий Владимирович Головлев может искупить свою вину перед другими и самим собой, – принесение себя в жертву, добровольная смерть по пути к могиле «милого друга маменьки». При этом вместе со смертью героя разрушится и весь построенный им головлевский мир; родовым именем скорее всего завладеет «сестрица» Надежда Ивановна Галкина, которая уже давно «зорко следила за всем, происходившим в Головлеве» [3].

Мотив оборотничества имеет место и в романе «Пошехонская старина». Так, змееподобные черты имеют такие персонажи этого произведения, как Анфиса Савельцева, Надя Затрапезная и Еспер Клещевинов. Но в отличие от Порфирия Владимировича Головлева данные герои оказываются неспособны на духовное преображение: Анфиса Савельцева до конца своей жизни остается жестокой и деспотичной барыней, Надю Затрапезную от невыгодного замужества спасает только твердое решение ее матери забрать дочь обратно в Малиновец, а образ Еспера Клещевина не подвергается в романе никаким изменениям.

В романе «Пошехонская старина» присутствуют также и иные «зоологические» уподобления, например, сравнение дяди Никанора Затрапезного, Григория Павловича, с пауком: «И дом ежели можно оттягать, так не ты оттягаешь, а Гришка-кровопивец. Все ему достанется: и после старика, и после брата» [2]. Ради получения капиталов своего отца и брата Григорий Павлович плетет бесконечную сеть интриг, не гнушаясь

при этом самыми низменными средствами. Сначала он противозаконно овладевает незначительными деньгами своего брата, оставленными по завещанию его «кравле» Аннушке и ее маленькому сыну. Впоследствии в руках жадного Гришки-кровопивца оказываются и все деньги его отца, служившие в семье Затрапезных предметом постоянных споров и вожделений. Таким образом, мы можем говорить о том, что в образе Григория Павловича в полной мере реализуется восприятие паука в священных текстах как жестокого, алчного, коварного существа, ревностно хранящего свои богатства.

Итак, мы выяснили, что романы «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина», написанные М. Е. Салтыковым-Щедриным в 1880-е гг., имеют сходный набор библейских мотивов и что данные мотивы подвергаются в указанных романах десакрализации, демифологизации и наполняются реалиями повседневной жизни. Подобная трансформация («от священного – к обыденному») становится показателем утраты героями романов М. Е. Салтыкова-Щедрина общечеловеческих ценностей, заключенных в христианских мотивах.

Библиографический список

1. Библия [Текст]. – М.: Российское библейское общество, 1994. – 1280 с.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. Пошехонская старина [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. – 544 с.
3. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 8-ми т. [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб. – Т. 4: Господа Головлевы. – 2003. – 288 с.
4. Доманский, Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medialib.rpsu.ru/page.php?id=1147>
5. Криничная, Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры [Текст] / Н. А. Криничная. – Л.: Наука, 1987. – 325 с.
6. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1994. – 136 с.
7. Полная популярная иллюстрированная библейская энциклопедия архимандрита Никифора [Текст] / под ред. О. Э. Колесникова. – М.: ООО «Издательство Астрель» – ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 720 с.